

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Брайан Олдисс,
Дэвид Уингров

Пикник на триллион лет

История
научной
фантастики

Brian W. Aldiss & David Wingrove. Trillion Year Spree. 1986
Перевод — А. Грузберг

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 21.08.2012. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 100 экз. Зак. № .

Брайан Олдисс, Дэвид Уингров

Пикник на триллион лет. — М.: Международный центр фантастики, 2012. — 672 с.

Не предназначено для продажи.

Без помощи воображения все прочие чувства огрубеют.

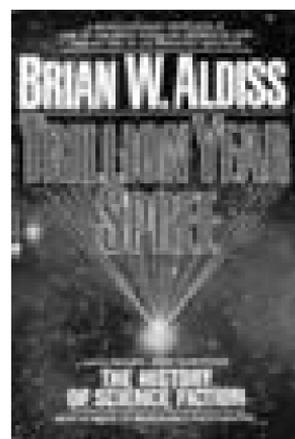
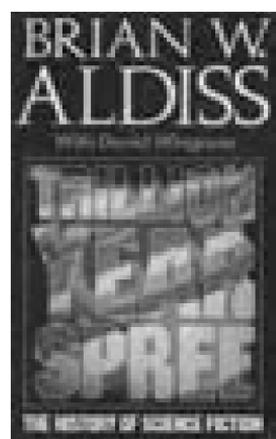
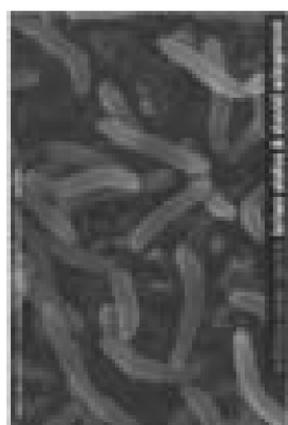
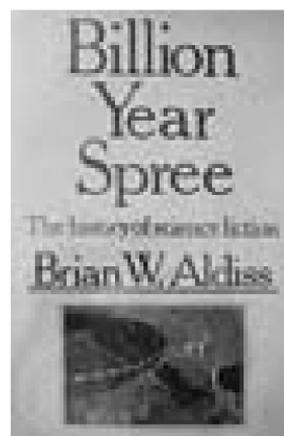
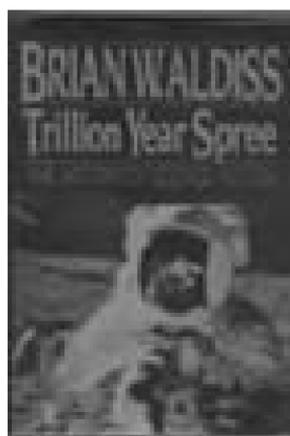
Мэри Уоллстонкрафт.

Письма, написанные во время краткого пребывания в Швеции, Норвегии и Дании

Авторы этой книги выражают ей уважение и любовь к двум людям, которых также интересовала история и истории научной фантастики: Сэму Люндвалю и Маршаллу Тимну.

Немецкая интерпретация греческого мифа о Дедале и Икаре. Этот первый рисунок летающих людей появился в книге Ф. Райдерера (F. Reiderer) *Spiegel der Wahren Rhetorick*, напечатанной во Фрайбурге, в Байсгу в 1493 году. [Гравюра А. Дюрера]

Вступление

Когда-нибудь отец перестанет писать научную фантастику и создаст что-то такое, чем люди будут зачитываться.

Курт Воннегут. Галапагос ^[*]

Вы стоите на обширной равнине. На горизонте что-то показывается и стремительно приближается к вам. Это сланцеватый холм, на склоне которого видна пещера, вход в нее перегорожен. Она пронесится мимо.

Приближается что-то еще. К вам движется множество объектов. Деревня на сваях, вбитых в дно озера. Маленький коричневый поселок с глиняными стенами. Пирамида, покрытая бронзой. Зиккурат. Гигантские сооружения культуры ацтеков. Палисады древнего Зимбабве. Запутанные храмы Востока — Ангкор Ват, Боробудур. Китайские мавзолеи.

Огромные строения нависают над вами и проходят, бросая на мгновение тень на равнину. Памятники жизни, смерти, завоеваний. И набожности — мимо проплывают готические соборы Европы.

Надгробия, башни, университеты.

С громким шумом, в облаках дыма приближается что-то еще. Оно все приближается, вначале неуклюжее, с высокой дымовой трубой. Но по мере приближения проходит метаморфозы, становится все привлекательней. Теперь оно гладкое, обтекаемой формы, стремительно несется по металлическим рельсам, и тащит за собой, как змею, длинный хвост из вагонов. И когда оно пронесится мимо, впереди показываются смутные очертания комических кораблей.

Почему эта машина отличается от остальных фигур, выплывающих к нам из промышленной революции?

Потому что она обладает способностью самостоятельно двигаться. Потому что это первый на земле предмет, способный передвигаться быстрее гепарда, оленя, скачущей лошади.

Потому что он переносит нас в мир расписаний, где нам приходится приравниваться к удобствам машин, а не наоборот. Потому что расписания вынуждают нас смотреть вперед на материальный мир, лежащий перед нами на бесконечной равнине.

Потому что этот предмет пришел из восемнадцатого столетия как предвестник технологических перемен.

Научная фантастика — одна из областей, в которых во второй половине двадцатого века литература достигла максимальных успехов. Сейчас — и по степени воздействия, и по сути — это преимущественно американская форма искусства, совпадающая по времени с великой технологической эволюцией и превращением США в мировую сверхдержаву.

Происхождение и причины подъема научной фантастики — за пределами Соединенных Штатов, хотя возникает она в рамках промышленной революции. Как и следовало ожидать. Только в эпоху, когда появляются источники энергии, более надежные, чем океанские течения или ветер, более быстрые чем лошадь, можно найти литературу, занятую проблемами силы и энергии, и буквальной, и метафорической. Именно такие проблемы в самом сердце НФ — литературы технологического века.

Сегодня все знают о существовании и НФ и полагают, что знают, что это такое. Не все читают, не все ободряют. Но каждый век имеет то искусство, какого заслуживает.

Хорошая НФ совсем не обязательно изображает реальность, но она делает реальность более понятной для нас.

Это история научной фантастики, рассказанная со скромного начала и до сегодняшнего дня. Это удивительная и захватывающая история даже для тех, кто не увлекается фантастикой. Когда Золушка наконец попадает на бал, все остаются довольны (кроме, конечно, ее уродок сестер).

Но что такое научная фантастика? Читайте дальше.

Эта книга выросла из «Пикника на миллиард лет», опубликованного в 1973 году. С тех пор научная фантастика продвинулась вперед и многократно выросла. То, что когда-то было буквально тайным движением, превратилось в часть общей культуры. Новая книга рассматривает этот грандиозный рост в хронологическом порядке, и в ней обсуждаются встреченные на пути ключевые камни.

Всякий, кто хоть отдаленно связан с научной фантастикой, знает, что происходят грандиозные перемены. Но означают ли эти перемены более широкое признание или просто упадок стандартов? В воздухе чувствуется нерешительность, ощущение кризиса. Мы надеемся прояснить ситуацию, хотя наши аргументы могут быть не сразу приняты.

Всякое обсуждение научной фантастики связано с обобщениями. Никогда «научная фантастика» не было однородным продуктом — порожденным, может быть, чуждым массовым сознани-

ем. Конечно, существовали предпринимаемые с разных сторон попытки навязывания единообразия — со стороны Мишеля Бютора, Джона Кэмпбелла, фэндомы. Большинство авторов избегает таких стереотипов. Тем не менее торговая марка «научная фантастика» по-прежнему обладает большим весом и у врагов, и у друзей.

В любое время существуют только индивиды, работающие под общим знаменем, хотя некоторые из этих индивидов индивидуальней других. Некоторые стремятся выйти из-под знамени. Многие с самонадеянной гордостью продолжают шагать под этим знаменем.

Те, кто горячо принимает набор сообща установленных условий, создают наиболее четко очерченные в жанровом отношении произведения. Те, кто более независим, не обращают внимания на воспроизведение формул и выходят за их границы.

Бросить вызов или соответствовать ожиданиям? И то и другое — хорошо известные литературные пути.

Трудность — безграничность НФ — в том упрямом факте, что это одновременно нечто формалистичное и в то же время нечто большее, чем жанр. Это метод, который отступает перед жанром¹. Модель гибкая и со временем меняется. Все время возникают новые образцы. НФ может быть традиционной и новаторской в одно и то же время.

Поле научной фантастики расцветает, когда оба типа писателей: иконоборцы и иконопоклонники — существуют в ситуации напряжения, когда одни не доверяют другим. Но даже в пределах одного лагеря редко существует договоренность. Некоторые писатели не считают себя принадлежащими к какому-нибудь лагерю и не поддаются классификации.

Это обстоятельство следует особо подчеркнуть во времена, когда некоторые издатели стараются четко очертить пределы НФ. Другие публикуют только НФ. Опасность такой монокультуры двоякая: ограниченная по жанру НФ публикуется, тогда как более яркие и самобытные произведения отвергаются; и увековечивается неприятная для НФ ситуация бума перед обязательной депрессией.

НФ не может существовать без различных мнений. Материал, с которым она имеет дело, сам по себе противоречив. Надо ли увеличивать технологическую оснащенность, пока вся поверхность планеты не покроется бетоном и сталью? Является ли религия отклонением от нормы? Неизбежны ли войны? Овладеет ли властью искусственный разум и будет ли это желательно? Нужно ли нам завоевывать космос? Как можно построить утопию? Бессмертна ли наша душа?

Конечно, способность обобщать — мощное оружие разума. Без способности к обобщениям у нас не было бы законов. Если

бы в этой книге нельзя было говорить об общих проблемах, у нас вообще не было бы книг. Мы говорим о тридцатых годах, например, так, словно у этих годов особый вкус, как у малины или манго. Мы все знаем, что это не так. Стоит упомянуть, что «тридцатые» и «шестидесятые» — это просто необходимое обобщение.

Существует мнение, будто НФ не имеет истории и история, представленная в этой книге, еще одно обобщение, причем неверное. Что Э.Э. Смит не место в книге рядом с Лукианом из Самосаты, а А.Э. Ван-Вогту — рядом с Джонатаном Свифтом. Что эволюции, описанной в этой книге, никогда не было. Что пальп-журналы не имеют никакого отношения к книгам Олдоса Хаксли или Джорджа Оруэлла.

Этот аргумент, выдвинутый дезинтеграторами, искусен, слишком искусен. Он учитывает только интересы писателя. Но история научной фантастики, напротив, должна учитывать интересы читателя. А для читателя научной фантастики «Утопия» Томаса Мора так же интересна, как Барсум Берроуза или 1984 год — как год 2010. К.С. Льюис так же интересен и достоин быть прочитанным, как Роберт Хайнлайн. В этой книге мы целиком на стороне читателя. Жанровая взаимосвязь определенно существует.

Но одно обобщение мы опустим. Обобщение, утверждающее, что вся научная фантастика — чепуха. Обобщение-22.¹⁸¹

Обобщение-22 — создание не только враждебного внешнего мира. Отчасти оно рождено в самом НФ-мире — теми, кто в течение нескольких поколений настаивал на том, что это совсем Особое чтение. И не просто Особое, но Лучшее. Такая оборонительная похвальба контрпродуктивна. Нелогичность этого утверждения понятна: последний ужасный роман X (такого яркого, когда мы были молоды) не лучше первой книги нового аргентинского романиста Y. Но может быть, только может быть, следующий великолепный НФ-роман Z станет лучше второго романа Y. Литературные оценки имеют дело с индивидуальными случаями, а не с рынком скота.

Чем быстрее эта истина будет признана внутри поля НФ, тем быстрее мы обратим язычников и сделаем Обобщение-22 нелепым. Одна из неразумных надежд авторов этой книги в том, что время от времени удастся обратить кого-нибудь из язычников. У язычников всегда была своя точка зрения.

Для многих научная фантастика превратилась в окружающую среду. В ней содержится все, что им нужно от жизни. Но НФ-рассказ или роман, как и любая другая книга, состоит из слов. И обычно узнаваемая связь слов — особый тип рассказа — гарантирует интерес к НФ. Но форма этого рассказа, унаследо-